

Костюмные брюки требовалось дополнить ремнем. Линь Мао вернулся к гардеробу, выдвинул средний ящик и, порывшись, извлек оттуда темно-коричневый ремень. Прodeв его в шлевки брюк, он уже собирался застегнуть пряжку, как сзади на него навалилось тяжелое, властное тело.

Линь Мао от неожиданности качнулся вперед, и глухой стук эхом разнесся по гардеробной.

Его запястье перехватили, отталкивая руку от ремня, и на смену ей пришли другие, обжигающе горячие руки. Скользнув под подол рубашки, они принялись неистовствовать на груди Линь Мао, с силой сминая один из затвердевших сосков.

Линь Мао прикусил нижнюю губу, не позволяя себе издать постыдный стон. Брюки, которые он только что надел, в мгновение ока сорвали и стянули к бедрам, после чего толстый, налившийся кровью стержень вошел прямо в его распахнутое снизу тело.

Под ударами — один яростнее другого — тело Линь Мао вновь и вновь врезалось в стенку шкафа, издавая глухие стуки, а звук влажных шлепков отчетливо разносился по просторной комнате.

Прислонившись к стене, бесплотный Линь Мао в облике души опустил глаза. Он посмотрел на собственные ладони, пальцы слегка шевельнулись. Кажется, начиная с прошлого мира, после завершения сюжета и контактов с ключевыми персонажами, в нем самом — по его собственному разумению — тоже невероятно усилилась жажда жестокости и крови. Свирепый зверь, которого он давным-давно запер в железной клетке глубоко внутри себя, похоже, начал отращивать острые когти и клыки, отчаянно пытаясь вырваться из оков. Продолжать ли и дальше сдерживаться или пустить все на самотек, позволяя чудовищу отчаянно бороться за свободу?

На холодном, прекрасном до отстраненности лице Линь Мао застыл ледяной узор.

Сяо Хуан Шу молча парящий неподалеку, по ходу развития сюжета почти никогда не вступал в разговоры с презренным омегой, опасаясь помешать тому вжиться в роль.

Однако в последнее время его снесло смутное беспокойство: одни тревоги исходили от Законов мира, другие — от самого презренного омеги. Разумеется, первое волновало его куда сильнее. Ему требовалось понаблюдать еще какое-то время, а придя к какому-то выводу, уже обсудить всё с подопечным. Этот мир давался им нелегко, но если удастся успешно завершить его здесь, это оставит неизгладимое впечатление у Божества романов-драм.

После серии яростных, непрекращающихся толчков Хань Сяо издал низкий рык. Плотно прижавшись к хрупкому, белому телу перед собой, он излил густое семя в самую глубокую точку. Переведя дыхание, он медленно вытащил член. Когда головка покидала тугой вход, раздался едва слышный чмокающий звук. Лишенный преграды, белый сок хлынул наружу, мгновенно залив темную ткань костюмных брюк огромным пятном.

Хань Сяо глядел на раскрасневшийся, распухший от его издевательств проход. Засунув туда палец, он выскреб остатки липкой белой мути, выводя наружу большую часть жидкости.

Остекленевшие, невидящие глаза Линь Мао слегка затрепетали, и в них вновь вернулось осознание. Он стянул испачканные брюки и достал из шкафа чистые. На этот раз он одевался не спеша, с ленивой неторопливостью. Полы рубашки были распахнуты, он не спеша застегивал пуговицы одну за другой. Наконец, приведя в порядок и рубашку, и брюки, он накинул безупречно сшитый пиджак. Между ног хоть и наскоро все протерли, липкое ощущение никак не хотело исчезать. Линь Мао моргнул, стараясь изо всех сил не обращать внимания на этот странный дискомфорт. Он молча посмотрел на Хань Сяо, который развалился на краю кровати. Мужчина, похоже, после разрядки пребывал в прекрасном расположении духа, и уголки его рта не казались такими зловещими, как прежде.

Видя, как Линь Мао оделся и встал с прямой осанкой, излучая сплошную холодную отстраненность — при том, что всего несколько минут назад этот человек был изучен вдоль и поперек и изнасилован им до предела, а в воздухе еще не успел выветриться терпкий запах секса, — обладая невероятно красивым, ослепительно ярким лицом и при этом абсолютно каменным выражением, Хань Сяо почувствовал, как его только что опустившийся член снова начал подниматься, требуя притянуть этого парня обратно и как следует отыметь прямо под собой.

Но он понимал, что на сегодняшний вечер запланированы дела, так что нельзя слишком предаваться похоти. Широким шагом подойдя к Линь Мао, Хань Сяо ухватил его за подбородок и впился в губы жестким, глубоким поцелуем. Целовал до тех пор, пока тот не обмяк в его объятиях, и лишь после этого, прижимая к себе, вывел из комнаты, спустился вниз и усадил в машину.

Автомобиль тронулся, и спустя добрых полчаса ночной езды они наконец прибыли к элитным загородным виллам.

Если взглянуть издалека, на площадке перед главным зданием уже стояло столько поражающих воображение роскошных иномарок, что Линь Мао, даже проработав в больнице всю жизнь и во всем себе отказывая, не смог бы скопить и на одно колесо от любой из них.

Водитель провел машину мимо вереницы авто и затормозил у парадного входа виллы. Там дежурил персонал: заметив открывающуюся дверцу и обладая наметанным глазом на богачей и влиятельных персон, швейцары в два-три шага сбежали по ступеням, подобострастно приветствуя гостей.

У Хань Сяо были резкие, волевые черты лица, а взгляд излучал суровость. Одно его появление здесь — само леденящее, подавляющее присутствие — заставляло окружающих инстинктивно держаться на расстоянии. Бросив руку на плечо Линь Мао, словно заявляя свои права на вещь, Хань Сяо широким шагом двинулся внутрь. Множество взглядов тотчас переметнулось с Хань Сяо на Линь Мао. Тот опустил голову, и гладкие темные пряди скрыли половину его лица, из-за чего сторонним наблюдателям поначалу было трудно разглядеть его внешность.

Впрочем, его бледный точеный подбородок и стройная, прямая фигура позволяли присутствующим сделать вывод, что лицом он точно не дурлен — иначе с чего бы магнату индустрии развлечений на него запасть.

Стоило переступить порог, как попадаешь словно в иной мир: вокруг бурлила жизнь в сиянии неоновых огней, где красивые мужчины и изысканные женщины смеялись, звенели бокалами, а радость и праздность витали в воздухе.

Но присмотревшись внимательнее, можно было заметить, что многие улыбки трогают лишь уголки губ, а на дне глаз таится либо трезвый расчет, либо непроницаемая тьма. В эту праздность погружались лишь те, кто не имел ни статуса, ни связей, стремясь отыскать здесь покровителя, на чье плечо можно было бы опереться, чтобы в одночасье перешагнуть через тяготы борьбы за выживание и взлететь по дороге богатства.

Стоило Хань Сяо войти в главный зал, как почти все взгляды сфокусировались на нем. В последнее время в тусовке ходили упорные слухи, что он заполучил редкое сокровище — любовника, с которым носитя как с писаной торбой, боясь уронить или сдуть пылинку. Когда кто-то из близких знакомых просил показать этого птенчика, Хань Сяо наотрез отказывался. Однако сегодня был день рождения Цяо Юэ — человека не только баснословно богатого, но и чья родня имела весомый вес в военно-политических кругах. Отказать кому-то другому Хань Сяо мог запросто, но портить отношения с Цяо Юэ из-за какой-то постельной игрушки было совершенно не с руки.

Поэтому Хань Сяо всё же взял его с собой. Сам Цяо Юэ в этот момент с сияющей улыбкой беседовал неподалеку с несколькими друзьями, но, заметив приближение Хань Сяо, оставил собеседников и поспешил навстречу с приветливым лицом.

Мужчины обменялись любезностями. Зал гудел от толпы. Для гостей разного статуса были отведены отдельные зоны, и Цяо Юэ повел Хань Сяо с компаньонами наверх по винтовой лестнице. Стоило хозяю особняка удалиться, как на первом этаже снова закипело прежнее веселье.

Повернув на втором этаже налево, процессия вошла в помещение в самом конце коридора. Внутри уже кое-кого ждали: бросив беглый взгляд, Линь Мао отметил, что примерно половина присутствующих — актеры, годами не сходившие с больших экранов, а кое-кто даже обладал высшими отечественными кинонаградами.

Увидев хозяина вечера, звезды дружно поднялись со своих мест. Стоило Цяо Юэ и Хань Сяо расположиться на главном диване, как остальные снова сели. Линь Мао, как пришедший с Хань Сяо, естественно, сел рядом с ним. Хань Сяо убрал руку с плеча спутника. На стеклянном столике перед ними стояло несколько бокалов с красным вином; Хань Сяо взял один из них, обратился к Цяо Юэ и произнес тост:

— С днем рождения, выпью до дна.

Окинув взглядом комнату, он запрокинул голову и осушил бокал.

— Братишка умеет отдыхать красиво! — хлопнув себя по колену, Цяо Юэ тоже выпил до дна. Как только кубок опустился на журнальный столик, одна из топ-звезд тут же услужливо наполнила его вновь.

— Просто так пить скучновато. Как насчет сыграть в одну маленькую игру? — среди собравшихся лишь положение Хань Сяо и Цяо Юэ было равным, остальные стояли на ступеньку ниже, так что эти слова предназначались в первую очередь Хань Сяо.

Хань Сяо слегка расстегнул ворот рубашки, обнажая крепкую мускулистую грудь. Голос его звучал низко, вибрируя, словно струны виолончели:

— Во что играем?

— Проще некуда! — Цяо Юэ чуть приподнял подбородок, и кинозвезда тут же подала ему шкатулку с четырьмя игральными костями внутри.

— Правила таковы: проигравший снимает с себя одну вещь, как вам? — на его лице играла безмятежная улыбка, но в глазах читалась властная дерзость — он ничего не предлагал, он ставил перед фактом.

— Идет, кто первый? — Хань Сяо тоже не из тех, кто пасует перед вызовом.

— Добавим условие: если кто-то не хочет раздеваться сам, он может назвать любого другого человека в этой комнате, и тот снимет одежду.

Взгляд Цяо Юэ скользнул мимо Хань Сяо и упал на сидевшего рядом с ним Линь Мао. Молодой человек с момента появления в комнате хранил молчание, плотно сжав ярко-красные губы. Но кто такой Цяо Юэ? Хватило одного беглого взгляда, чтобы понять: этого парня только что хорошенько отымали — разбитые уголки губ служили тому самым очевидным доказательством. Юноша, должно быть, и сам не подозревал, сколь соблазнительным шлейфом окружает его еще не рассеявшаяся аура плотских утех. Цяо Юэ любил развлечения погорячее и вовсе не заботился о том, был ли партнер девственником; главное — соответствие вкусам, тогда он непременно добивался своего.

Линь Мао на мгновение пробрала дрожь. Холодный, змеиный взгляд мужчины оплетал его тело, грозя в любую секунду броситься вперед и впрыснуть смертельный яд.

Линь Мао инстинктивно придвинулся ближе к Хань Сяо. На фоне змеи, способной изрыгать яд, волк казался куда более надежным спутником — по крайней мере, всегда знаешь, когда он оскалит клыки, а не живешь в вечном напряжении.

Цяо Юэ тут же отвел взгляд.

Киноактер добровольно вызвался кидать кости — всего планировалось пять раундов. Помимо Цяо Юэ и Хань Сяо, в игре участвовали еще двое мужчин их возраста, принадлежавших к тому же кругу богачей.

Актер принялся трясти стаканчик, сгрел кости прямо со стола, взбросил в воздух и задорно загремел ими. Участники пристально следили за его руками, и после очередного резкого взмаха раздался глухой стук — стаканчик опустился на стеклянный журнальный столик, украшенный серебристыми узорами.

Цяо Юэ посмотрел на Хань Сяо, жестом предлагая ходить первому.

— Больше! — низко бросил Хань Сяо.

Цяо Юэ легко улыбнулся:

— Раз ты выбрал больше, я, разумеется, не буду повторяться. Ставлю на меньше.

Два других игрока тоже разошлись: один выбрал больше, другой меньше.

Актер поднял стаканчик:

— Пять, четыре, один, три. Тринадцать очков! Больше!

— А удача на твоей стороне, — откинувшись на спинку дивана, усмехнулся Цяо Юэ, глядя на Хань Сяо.

Тот лишь кивнул в ответ.

Разумеется, сам Цяо Юэ раздеваться не собирался. Рядом тут же засуетились звезды, наперебой желавшие услужить молодому господину Цяо. Ткнув пальцем наугад в толпу, Цяо Юэ указал на молодую женщину в фиолетовом шелковом платье на бретелях — начинающую актрису. Ее агент задействовал всевозможные связи, чтобы получить приглашение сюда. Даже если ей не светило оказаться в постели Цяо Юэ, одно лишь приближение к нему сулило огромные перспективы для будущей карьеры.

Мягко улыбнувшись, девушка поднялась. Ее длинное платье скользнуло с колен к икрам — ткани стало меньше, но от этого зрелище лишь сильнее разжигало желание заглянуть под подол.

— Как звать? — с любопытством оглядывая женщину, спросил Цяо Юэ.

Та чуть приподняла уголки губ:

— Меня зовут Лань Си, молодой господин Цяо.

— Мм, неплохое имя. Поможешь мне снять эту вещь? Возражений нет?

— Никаких. Для меня великая честь помочь вам, молодой господин Цяо.

— Тогда снимай! — бросил Цяо Юэ с легкомысленной усмешкой.

Заведя руку под подол платья и расстегнув застёжку бюстгальтера на спине, Лань Си перехватила его спереди и вытянула через вырез горловины ярко-красное белье. По комнате пронёсся восхищенный шепот.

На лице Лань Си по-прежнему играла улыбка; положив белье рядом с собой, она спокойно посмотрела на Цяо Юэ, и в глазах мужчины вспыхнул одобрительный огонек.

— Продолжаем.

Актер вновь ссыпал кости в стаканчик. В этом раунде Цяо Юэ снова поставил на меньшее и снова проиграл. Все, кто проиграл вместе с ним, выбрали по человеку из числа присутствующих звезд, чтобы те поделились за них.

Хань Сяо восседал на диване невозмутимо, словно зритель в театре, наблюдая за безумной возней напротив. Взяв со стола бокал с багровым вином, он протянул его Линь Мао. Тот взял бокал и под взглядом Хань Сяо понемногу допил вино. Возможно, из-за того, что пил слишком торопливо, тонкая струйка перекинулась через угол рта, скользнула по подбородку, шее и впилалась в белую рубашку, расплываясь у воротника расписным темно-красным пятном.

Цяо Юэ неотрывно следил за происходящим в их углу. Заметив, как Линь Мао вытащил несколько бумажных салфеток, чтобы промочить винное пятно — сияющая, нежная кожа молодого человека в сочетании с багровыми подтеками придавала ему порочный, завораживающий шарм, — он внутренне усмехнулся.

В третьем раунде Цяо Юэ наконец одержал победу, а проиграл на сей раз Хань Сяо.

Тот не стал привлекать помощников и сам стянул пиджак, бросив его на край дивана.

В четвертом раунде проиграл Цяо Юэ, но на этот раз он не стал выбирать никого из актеров, а перевел взгляд прямо на Линь Мао, сидевшего подле Хань Сяо.

В глазах Цяо Юэ сверкнула дерзость:

— Хань Сяо, ты же не будешь возражать, если я попрошу твоего маленького любимчика снять одну вещь?

Темные глаза Хань Сяо потяжелели, в них промелькнул нечитаемый блеск, а голос прозвучал с холодной стали:

— Сегодня твой день рождения, развлекайся на полную!

— Отлично, обожаю твой легкий нрав!

Стоило словам Цяо Юэ смолкнуть, как взгляды всех присутствующих скрестились на Линь Мао. Руки парня дрожали, когда он повернулся к Хань Сяо. Мужчина смотрел на него с абсолютным безразличием — так, будто перед ним сидел совершенно чужой человек. И верно: даже если между ними что-то и было, само существование Линь Мао сводилось лишь к роли удобного инструмента для постели.

На что он вообще рассчитывал? После того как его изнасиловали, неужели он и впрямь надеялся на защиту?

До боли жалко и смешно.

В комнате работал кондиционер, и вошедший Линь Мао уже успел снять верхнюю одежду, оставшись в тонкой светлой рубашке.

Не тратя времени на возню с пуговицами, Линь Мао с силой дернул за ворот. Пуговицы с треском брызнули во все стороны, и он решительным, резким движением сорвал с себя рубашку.

Так и должно быть. Это он сам переоценил собственную значимость.

Вокруг раздались изумленные выдохи. Взгляды, цеплявшиеся за его кожу, жалили калеными иглами, обжигая легкие Линь Мао изнутри. Но он лишь опустил глаза, избегая смотреть на этих людей, до конца отыгрывая роль послушной игрушки.

Прежние глубокие порезы в основном затянулись — лекарства, что привозил Хань Сяо, стоили огромных денег, обладая не только потрясающим заживляющим, но и рассасывающим рубцы эффектом. Однако следы от недавних издевательств Хань Сяо — даже те, что он оставил перед выходом сюда — никуда не исчезли. Любой мог без труда догадаться, откуда взялись эти двусмысленные отметины.

Одно дело — веселиться с другими, но когда твоего человека рассматривает толпа зевак, в груди Хань Сяо неожиданно поднялась мрачная волна раздражения. Отстраненность на лице Линь Мао показалась ему форменным вызовом. Рывком схватив пиджак, Хань Сяо швырнул его прямо в лицо Линь Мао.

В его голосе бурлил не сдерживаемый более гнев:

— Надень!

Пальцы Линь Мао, вцепившиеся в лацканы пиджака, побелели до хруста. Стиснув зубы до боли в челюстях, он натянул одежду мужа. Возбужденные взгляды вокруг скрылись под тканью, и Линь Мао позволил себе выдохнуть застоявшийся воздух.

Это был лишь небольшой эпизод. Актер снова загремел костями, и в пятом раунде проиграл Цяо Юэ. На этот раз он выбрал ту самую актрису по имени Лань Си.

Девушка на сей раз стянула нижнее белье, вызвав взрыв оглушительных криков.

Поскольку приближалось восемь часов, а Цяо Юэ еще нужно было спуститься вниз и

произнести приветственную речь, он посоветовал Хань Сяо продолжать развлекаться и вывел всю компанию звезд из комнаты. Вскоре в помещении остались лишь Хань Сяо и Линь Мао.

Линь Мао сидел молча и неподвижно. Внезапно железная хватка сомкнулась на его горле, и его с силой впечатали в диван. Пальцы на шее сжались еще сильнее, перекрывая воздух. Навалилась глухая, всепоглощающая боль. Линь Мао в панике забился, пытаясь оторвать пальцы Хань Сяо, но те не поддавались. Кислорода в легких становилось все меньше и меньше. На дне его глаз заплескалась бездна боли и отчаяния — дыхание смерти еще никогда не подступало так близко. Уголки глаз покраснели, и горячие слезы затерялись в прядях волос.

В тот самый момент, когда он уже решил, что сегодня действительно умрет здесь, удушающая хватка разжалась, и к нему приблизилось искаженное гневом лицо.

— Если ты еще хоть раз посмеешь строить глазки кому-то другому в моем присутствии, я переломаю тебе руки и ноги, а потом посажу на железную цепь, как собаку. Запомни это, я слов на ветер не бросаю.

Зрачки Линь Мао расширились до предела, едва не лопааясь. Он с ужасом и изумлением смотрел на Хань Сяо. Его побелевшие губы крупно дрожали, а тело вмиг онемело, превратившись в бесчувственный камень.

Хань Сяо поднялся на ноги. Его крупная фигура нависла над Линь Мао, и, грубо вцепившись в запястье парня, он рывком поднял его на ноги и потащил к выходу. Линь Мао не успевал перебирать ногами, двигаясь полубегом, и на лестнице едва не скатился вниз.

Завершивший речь в центре зала Цяо Юэ, заметив спускающегося по лестнице Хань Сяо, протиснулся сквозь толпу гостей и направился к нему.

— Можно попросить у тебя одну вещь? — не вдаваясь в подробности, спросил Цяо Юэ.

Хань Сяо остановился, его голос прозвучал глухо:

— Какую?

— Его, — прямо ответил Цяо Юэ.

Лицо Хань Сяо мгновенно окаменело:

— Не слишком ли далеко ты заходишь?

Цяо Юэ проигнорировал излучаемый Хань Сяо холод:

— Отдам взамен ту Мазерати, что припаркована снаружи. По рукам?

Хань Сяо отрезал с ледяной миной:

— Не меняюсь!

— Ты ведь наигрался с ним достаточно долго, по идее, уже должен был устать. У меня есть и другие игрушки получше. Если одной машины мало, я добавлю еще двоих — близнецы, спереди и сзади абсолютно чистые, — понизив голос, с улыбкой произнес Цяо Юэ. Другие не могли расслышать его слов, но сидевший вплотную к Хань Сяо Линь Мао услышал всё до последней буквы. Его глаза полезли на лоб: ему казалось, что у него начались слуховые галлюцинации, однако в выражении лица Цяо Юэ читалась полнейшая уверенность.

Боль от чуть не сломанного запястья вмиг отошла на второй план. Линь Мао во все глаза уставился на Хань Сяо, смертельно боясь услышать отказ.

К счастью... к счастью, Хань Сяо не согласился. Сердце Линь Мао бешено колотилось от пережитого ужаса, но в то же время в груди поднималось странное ликование — радость от того, что Хань Сяо не отдал его другому.

Его мышление было искажено Хань Сяо до пугающей степени, но сам он этого даже не осознавал.

Увлекая Линь Мао за собой, Хань Сяо протащил его сквозь толпу гостей прочь из особняка Цяо Юэ. На ходу он позвонил водителю, велел подать машину. Вскоре автомобиль выкатился на подъездную дорожку и остановился перед ними.

Грубым движением затолкав Линь Мао внутрь, Хань Сяо устроился рядом.

Машина покинула территорию виллы и выехала на просторное шоссе.

Спустя минут двадцать езды, когда светофор на перекрестке сменил зеленый свет на красный, водитель нажал на тормоз и с ужасом понял, что тормоза отказали.

Автомобиль на огромной скорости вылетел вперед. Как назло, сбоку как раз поворачивал крупногабаритный грузовик. Водитель судорожно выкрутил руль, избегая столкновения с фурой, но не справился с управлением и влетел в каменный бордюр. Машина перевернулась, проскользила по асфальту добрый десяток метров и завалилась на бок прямо на пешеходной дорожке.

Линь Мао, закрытый в последний момент бросившимся на него Хань Сяо, отделался легче остальных — в отличие от водителя и Хань Сяо, он не потерял сознание. В салоне начал густеть едкий запах крови. Оттолкнув неподвижного Хань Сяо, Линь Мао окровавленными руками принялся толкать искореженную дверцу. Поддавшись усилию, она открылась. Первым оттуда с трудом выбрался Линь Мао. Заметившие аварию прохожие останавливались, кто-то вызывал полицию и скорую помощь. Линь Мао вернулся к проему, пытаясь вытащить застрявшего на заднем сиденье Хань Сяо, но сил оставалось катастрофически мало: провозившись какое-то время, он так и не смог сдвинуть мужчину с места.

Линь Мао обессиленно осел на землю. Разбитый лоб заливала кровь, окрашивая пол-лица. По мере того как капли покидали его тело, мир начал покачиваться перед глазами, погружаясь в непроглядную тьму. И прежде чем окончательно провалиться в обморок, в тусклом свете уличных фонарей он смутно разглядел приближающуюся пару глаз, излучавших холодное, жутковатое сияние...

— Тридцать процентов сюжета завершено.

— Следующая линия Цяо Юэ?

— Да.

— А Хань Сяо...

— Не умрет.

<http://bllate.org/book/22143/2307059>